

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ БИОГРАФИЙ

У Ж НЕ ЗНАЮ, кто вел меня в то раннее утро по Веймару — Карамзин ли, Жуковский? Или Мариэтта Шагинян?..

...Девушка в дорожной одежде, в башмаках, подбитых гвоздями, с тяжелым рюкзаком за спиной поднималась на второй этаж большого деревянного дома. Ее вела владелица пансиона — высокая сухопарая графиня. Поднялись вверх, и девушка очутилась в комнатке с окном на крышу.

Это было 29 июля 1914 года. А на второй день поздним вечером, когда девушка заносила в тетрадь свои дневниковые впечатления, к ней вошла обеспокоенная графиня и настойчиво порекомендовала быстрее уехать из Веймара, поскольку «объявления войны ждут со дня на день».

Барышня сказала, что завтра она покинет и пансион, и Веймар...

Так в самый канун первой мировой войны прервалось паломничество юной Мариэтты Шагинян по гётевским местам. 24 июля 1914 года она вышла из Гейдельберга, куда приехала готовить магистерскую диссертацию; 26 июля была в Вормсе — городе Лютера и Вагнера; 27 июля — во Франкфурте-на-Майне, где родился Гёте; ну и 29 июля, как уже было сказано, в Веймаре. Двести километров прошагала с рюкзаком за спиной, а сверх этого проехала поездом.

Из всех множеств путешествий за долгую жизнь Мариэтты Шагинян это — ее самое раннее самостоятельное, пешее — было и самым захватывающе увлекательным. Хоть и закончилось непредвиденно. И драматично. Как русскоподданная она была выслана в Баден-Баденский лагерь для интернированных. Но из лагеря ей, с помощью сестры Лины, удалось вырваться и перебраться в Швейцарию. В Цюрихе в том 1914 году по свежим впечатлениям она напишет первую свою очерковую книгу «Путешествие в Веймар», которой суждено было увидеть свет лишь девять лет спустя.

Выше я сказал: «непредвиденно». Но не предвидела она лишь свой арест, а не войну. О том, что скоро загремят пушки, она узнала в первые же дни своего паломничества, когда, пройдя по многоверстной живописной Бергштрассе — вдоль невысоких гор, долины реки Неккар и Оденского леса — и не успев насладиться этим дивным краем, очутилась в Вормсе. Час был поздний, а город не спал: возбужденные люди толпились перед развешенными повсюду экстренными выпусками газет.

Хозяин вормского трактира «Зеленый крокодил», где она осталась на ночевку, подсел к ней за утренним кофе и, отложив газету, сказал: «Плохо дело». Потом посмотрел на нее «с видимым добродушием», под которым угадывалось «острое, внимательное подозрение», и добавил: «Ведь за Сербию вступится Россия, а за Австрию — кайзер».

Пройдет два-три дня, и «политическое любопытство» сменится взрывом шовинистических настроений, волны воинственного азарта захлестнут всю страну, всю Европу. И именно в те трагические для мира дни Мариэтта Шагинян обращается к Гёте, к образу великого гуманиста, творца, гения немецкого народа, к тому, кто олицетворяет собою величие человеческого разума, неистребимость духовной силы человека. Именно в те дни, когда — «вся сила германского духа, как сжавшись, взорванный клапан, устремилась на несдвинутые понятия мощи, овладения, захвата, — и вот мы сызнова близки и возвратимся к сумеркам культуры, к гибели того невозможно прекрасного в ней, что стояло уже при дверях и на чем, как на грустной песенке рыцаря со стен Хейдельбергского замка, таинственная печать несбыточности».

Храни тебя Бог!
Это было бы слишком прекрасно...
Храни тебя Бог —
Этому не суждено было быть!»

Во Франкфурте-на-Майне она торопится к дому на Хиршграбене, где родился Гёте, и снова видит толпу народа перед стеклянной витриной с вывешенным там призывом:

«Настал серьезный час, серьезнее, нежели когда-либо за последние десятилетия. Опасность надвигается! Угрожает всемирная война. Правящие классы, которые вас эксплуатируют, унижают, презирают во имя мира, хотя ныне употребят вас на пушечное мясо! Всюду должны мы крикнуть насильникам в лицо: мы не хотим войны! Прочь с войною! Да здравствует интернациональное братство народов!»

Такова была позиция немецких — и не только немецких — социалистов по отношению к войне до ее объявления. Известно, чем обернулись эти призывы «к братству народов», как только война была объявлена. Каждая из партий Второго Интернационала стала на сторону своей буржуазии, бесцеремонно обнажив свою ре-

негатскую суть. А большевики избрали иную позицию по отношению к войне, о чем Мариэтта Шагинян узнала осенью 1914 года в Цюрихе. Именно этот город «стал местом зарождения» в ней «будущего нового человека». Она услышала здесь доклад члена думской фракции большевиков, излагавшего совершенно неожиданную тогда, потрясающую молодую пылкую душу ленинскую точку зрения о необходимости поражения царской России в империалистической войне. То был для нее первый урок ленинской диалектики.

«Путешествие в Веймар» — строго документальная книга о виденном, пережитом и осмысленном в предвоенные дни 1914 года. Это в то же время первая работа Мариэтты Шагинян о Гёте. На прочитанное и усвоенное еще в юности «легли» теперь реалии увиденного быта — в самом широком смысле этого слова. Она всматривается в обстановку родительского дома Гёте во Франкфурте-на-Майне и веймарского его дома, загородного особняка, — всматривается глазами человека, жаждущего как можно глубже понять характер творца, его вкусы, взгляды, интересы, его личность.

И, наконец, может быть, самое главное, что унаследовала Мариэтта Шагинян у своего «основного тогда учителя и воспитателя», — это вечная потребность познания.

Таковы были уроки, взятые у Гёте. Уроки, нужные для того, чтобы «правильно жить».

Книга «Путешествие в Веймар» послужила для Мариэтты Шагинян своеобразным творческим фундаментом, на котором выросла ее монография о «величайшем немец».

Писать монографию она начала в том же четырнадцатом году, а закончила лишь в сорок девятом. Книга «Гёте» Мариэтты Шагинян широко известна и за рубежом: издавалась в ГДР, Венгрии, Чехословакии, ФРГ, Японии.

Мысли о Гёте рассыпаны во множестве ее очерков, статей, монографий. Она написала работу и об Эккермане, впервые исследовав личность этого верного помощника Гёте. А в 1969 году, вновь посетив Веймар, посвятила своему кумиру целый раздел в «Письмах из ГДР».

Страницы о Веймаре, этом «городе классицизма и особого вида музеев», где

что проверять достоверность исторических документов посредством копии по меньшей мере наивно. Кроме почерка, стиля, исследуется фактура бумаги, чернил. А уж для определения подлинности факсимиле нужны особые методы. Одним словом, как и следовало ожидать, библиотеке ответили, что подлинность рукописи не установлена.

Тогда Мариэтта Сергеевна взяла манускрипт обратно и сама повезла его на экспертизу. Сначала в Ленинград — в Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отзыв был самым обнадеживающим:

«Документ составлен от имени герцога Веймарского Карла Августа членами «Тайного совета», высшего совещательного органа при герцоге... Под текстом имеются подписи тайных советников барона И. Ф. Фрича, Кристиана Фридриха Шнаусса, Иоганна Вольфганга Гёте и «соприсутствующего» младшего советника Иоганна Христофа Шмидта. Содержание и стиль документа не вызывают сомнений в его подлинности... Начертание подписи Гёте в общем не расходится с находящимися в нашем распоряжении автографами и факсимиле поэта... Подделка подписи на юридическом документе при жизни Гёте исключалась. Считать подпись подделанной нет достаточных оснований».

Константин
СЕРЕБРЯКОВ

К 100 - летию со дня рождения

М. С. Шагинян

«КАК И ГЁТЕ...»

История одного документа

«Дом Гёте, — пишет она, — отстраивался постепенно, обогащаясь вместе с богатейшим опытом хозяина. Так, например, по накоплению итальянских реликвий мы судим о значении Италии во внутреннем росте Гёте; по окраске комнат — о ходе его естественно-научных занятий (он велит свою гостиную окрасить в желтый цвет, а рабочую в зеленый, так как, по его теории цветов, желтый соответствует приподнято-веселому, а зеленый — приятно-сосредоточенному настроению). И еще: «Гёте не терпел даже намека на то, что у нас называют «поэтическим беспорядком», никакого запаха богемы. Ежели у одной стены стоит стул, то, соблюдая симметрию, у следующей стоит другой; картины развешены по внутреннему родству и по соединенности их в памяти...»

Размышляя над литературным и «вещественным» наследством Гёте (а «у настоящего творца собранные вещи всегда биографичны, связаны с интимным развитием его характера и мышления»), Мариэтта Шагинян берет у него уроки жизни. Нет, она не пишет об этом, но, разве в ее основных человеческих качествах не угадывается влияние жизненного опыта Гёте?

Ну, скажем, в трудолюбии, которое до конца ее жизни было поразительным и никогда не убывало. Ведь как символично звучит цитируемая ею гётевская фраза: «В сущности жизнь моя не что иное, как труд и работа!» (Уместно здесь повторить и ее фразу: «Единственное, что я умею, — это работать».)

Или интерес к языкам, о чем Гёте сказал так: «Кто не знаком с чужими языками, ничего не знает о своем собственном» (Мариэтта Шагинян всю жизнь изучала языки, а на старости лет взялась даже за санскрит).

А многогранность интересов? Укажу хотя бы на естествознание и минералогию. Неужто это случайное совпадение? Нет, думается, скорее опять-таки результат могучей силы воздействия великого Гёте.

Ну а строгая плановость в работе, четкий распорядок дня, ведение дневников, ежедневная ходьба пешком, аккуратность в делах, особое, почтительное отношение к «орудиям производства» — бумаге, чернилам, перьям?

И соблюдение гётевского правила — останавливать работу в самый кульминационный момент и именно тогда, когда пишется, чтобы не исчерпать творческого подъема, чтобы завтра легче было продолжать и продолжение сохранило бы тягу творчества, или, как она говорила, чтобы сохранить остаточное возбуждение от вчерашнего труда.

А еще — постоянное стремление понять, освоить целое всякого процесса.

И ясность, четкость формы.

витает высокий дух человека-творца, завершаются рассказом о «последнем веймарском музее» — бухенвальдском, обведенном проволокой, в котором экспонируются «объекты» мракобесия той крайней степени, до которой «может» дойти человек, высшее создание природы». И как свет во мраке, здесь видишь тех, кто не покорился злу, — фотографии борцов подпольного антифашистского комитета. «Живые, хорошие лица, разные, но схожие в одном — в выражении воли и решимости, лучшие люди человечества, кто всегда и везде, при всех обстоятельствах остается людьми, не теряющими ни мужества, ни человечности».

Мариэтта Шагинян и в третий раз побывала в Веймаре — уже в возрасте девяноста лет. Среди провожающих ее в очередную зарубежную поездку на Белорусском вокзале был тогда и я.

Усевшись в купе вагона Москва — Берлин и положив на столик английский детектив для чтения в пути, она вдруг тревожно вспомнила:

— А где моя большая черная сумка?

Большая черная сумка преспокойно лежала на верхней багажной полке.

— Вы с ума сошли! Немедленно дайте ее сюда! — чуть не крикнула она и, понизив голос, добавила: — Там у меня бесценный документ...

— А спустя месяц, вернувшись в Москву, торжественно сказала:

— Я же знала, что это подлинник!..

Старший брат известного русского композитора Николая Метнера — Эмиль Карлович в начале нашего века, будучи студентом, жил некоторое время в Веймаре в частном пансионе на дому у местного чиновника — потомка немецкой чиновничьей династии. В семье хранились старые документы, переходившие из рода в род. Эмиль Метнер, философ-гётеанец, купил у хозяина рукописный документ, датированный 7 февраля 1783 года. Под ним стояла подпись Гёте.

После смерти Эмиля Карловича автограф Гёте перешел в собственность младшего брата — композитора Николая Метнера, а когда умер и он — его племянницы. Спустя годы она подарила этот автограф большому другу семьи Метнеров — Мариэтте Шагинян (Николай Метнер, как и Сергей Рахманинов, посвятил ей романс «Муза», написанный на слова Пушкина).

Она хранила у себя автограф Гёте как бесценное сокровище, пока не решила передать библиотеке Армянской Академии наук.

В библиотеке усомнились в подлинности подписи Гёте, сняли копию и послали ее на экспертизу, не задумавшись о том,

Но Мариэтте Сергеевне этого было недостаточно. Она отправилась в Веймар, в авторитетнейшее учреждение — архив Гёте — Шиллера при Национальном центре исследования классической германской литературы.

Результаты исследования старинной рукописи оказались неожиданными для самой Мариэтты Шагинян, не сомневавшейся в ее подлинности. Директор архива профессор Хан, вручая ей заключение экспертизы, сказал, что даже в его учреждении, к сожалению, нет подобного документа. В нем дорогá не только подпись великого поэта, но уникально само содержание, свидетельствующее о прогрессивном характере государственной деятельности Гёте.

В рескрипте Тайного совета предписывается герцогскому правительству Веймара принять меры, дабы удовлетворить прошение Георга Вильгельма Фогеля из города Кёстрица о получении наследства в городе Йене без вызчетов сборов.

На первый взгляд ничем не примечательный документ. Однако...

Житель Кёстрица княжества Рейсс хочет получить наследство, находящееся в Йене, расположенной на земле герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах. Но это не так-то просто, поскольку в ту пору в разных немецких городах действовали разные юридические правила, нередко взаимно исключавшие друг друга. И рескрипт Тайного совета не что иное, как стремление Гёте и его коллег преодолеть эти феодальные препоны, созданные тогдашней «губительной раздробленностью Германии», как сказано в заключении экспертизы, предпринятой учеными ГДР.

Эта рукопись — ценная находка и для биографов Гёте, и для историков. Вот почему Мариэтта Сергеевна с такой тревогой вспомнила тогда в вагоне о большой черной сумке.

Что же стало с документом, скрепленным подписью Гёте? В сентябре 1978 года Мариэтта Шагинян побывала в Ереване и передала его в дар Институту древних рукописей — Матенадарану. И, последний раз взглянув на пожелтевшие, как старинный пергамент, листы рукописи, сказала:

— Я испытала страшную тревогу, что потеряю ее. Теперь я спокойна.

Спустя год в Веймаре, все в той же гостинице «Элефант», я встретился с профессором Ханом. Зашел разговор о Мариэтте Сергеевне, так скрупулезно перепроверявшей подлинность автографа Гёте. Профессор с высоким почтением сказал:

— О, мадам Шагинян! Истинная гётеанка! Она, как и Гёте, умеет доводить начатое дело до конца!

